

УДК 94(437)(328)“1919”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/64/8

Политическое положение в Подкарпатской Руси в оценках чехословацких чиновников и учёных

П. Лозовиук¹, К.В. Шевченко²

¹ Западночешский университет
Чехия, 30614, г. Пльзень, ул. Седлачкова, 15
E-mail: lozoviuk@ksa.zcu.cz

² Филиал Российского государственного социального университета
в г. Минске
Беларусь, 220107, г. Минск, ул. Народная, 21
E-mail: shevchenkok@hotmail.com

Авторское резюме

Содержится анализ политического и социокультурного положения в Подкарпатской Руси в оценках чешских чиновников и учёных-этнографов с момента вхождения данного региона в состав Чехословакии в 1919 г. Окончание Первой мировой войны, распад Австро-Венгрии и последующее вхождение земель исторической Угорской Руси в состав Чехословакии поставили чехословацкие власти перед необходимостью решать многочисленные проблемы, связанные с этнокультурными особенностями и идентичностью местного восточнославянского населения. В выработке основных направлений конкретной политики чехословацкой администрации в Подкарпатской Руси большую роль играли чешские учёные-этнографы и чиновники, которые в своих рекомендациях правительству стремились учитывать как социокультурные и языковые особенности местного населения, так и геополитические интересы Чехословакии в данном стратегически важном регионе, который граничил с Польшей, Венгрией и Румынией. Практическим результатом знакомства чешских чиновников и учёных с ситуацией в Подкарпатской Руси стало лавирование чехословацкой администрации между существовавшими здесь несколькими культурно-национальными проектами; при этом в 1920-е гг. преференциями властей в образовательной и культурной сферах пользовались представители украинофильского направления. Впоследствии это привело к усилению позиций украинского движения в Подкарпатской Руси и к нарастанию противоречий между украинофилами и русофилами в 1930-е гг.

Ключевые слова: карпатские русины, Чехословакия, Подкарпатская Русь, национальная идентичность, национальная политика, украинское движение.

Political situation in Subcarpathian Rus as assessed by Czechoslovak officials and scholars

P. Lozoviuk¹, K.V. Shevchenko²

¹University of West Bohemia

15 Sedlackova Street, Plzen, 30614, Czech Republic

E-mail: lozoviuk@ksa.zcu.cz

²Branch of Russian State Social University in Minsk

21 Narodnaya Street, Minsk, 220107, Belarus

E-mail: shevchenkok@hotmail.com

Abstract

The article analyzes political, social and cultural situation in Subcarpathian Rus in assessments of Czech officials and ethnographers dated by the time when this region joined Czechoslovakia in 1919. The end of the First World War, disintegration of Austria-Hungary and subsequent incorporation of the lands of historical Hungarian Rus into Czechoslovak state presented the Czechoslovak authorities with the vital need to solve numerous problems related to the ethnic and cultural peculiarities and national identity of the local East Slavic population. Czech ethnographers and officials played an important role in the development of the main directions of the specific policy of the Czechoslovak administration in Subcarpathian Rus. In their practical recommendations to the central government Czech officials tried to take into account the social, cultural, and linguistic characteristics of the local population as well as the geopolitical interests of Czechoslovakia in that strategically important region bordering with Poland, Hungary and Romania. The acquaintance of Czech officials and scholars with the situation in Subcarpathian Rus resulted in maneuvering of the Czechoslovak administration between several cultural and national projects in this region. However, during the 1920-ties representatives of the Ukrainian movement enjoyed the preferences of the authorities in the educational and cultural spheres. Subsequently, this led to the reinforced position of the Ukrainian movement in Subcarpathian Rus and to the growing contradictions between Ukrainophiles and Russophiles during 1930-ties.

Keywords: Carpathian Rusins, Czechoslovakia, Subcarpathian Rus, national identity, national policy, Ukrainian movement.

Введение

Влияние текущей политической ситуации на социальное и этнокультурное развитие населения является очевидным, наиболее ярко проявляясь в период потрясений и трансформации существующего общественно-политического строя. Нестабильность политической системы и политические катаклизмы могут привести к «вибрации» и в других сферах общественной жизни, в т. ч. в способах выражения коллективной идентичности. В частности, военные конфликты, революции и другие социальные потрясения могут стать причиной не только перекраивания политических карт или изменений в социально-экономическом строе страны, но и модификации коллективной идентичности её населения. Одним из таких переломных событий на европейском континенте, несомненно, являлась Первая мировая война. Распад Австро-Венгерской империи, являвшейся не только полиэтническим, но и наднациональным государственным объединением, привёл к необходимости решения ряда геополитических, культурных, языковых, межэтнических проблем, а также проблем, связанных с идентичностью определённых слоёв проживавшего здесь населения. Одним из регионов, оказавшихся в центре внимания международной и местной политики, а также академического дискурса в данном контексте, стала территория, население которой говорило на восточнославянских диалектах недавно сформированных Словакии и Подкарпатской Руси, вошедших в состав Чехословакии.

Исторические аспекты присоединения Подкарпатской Руси к Чехословакии

В ходе Первой мировой войны традиционно популярные среди карпаторусской диаспоры США планы присоединения исторических земель Карпатской Руси к России стали обретать более чёткие политические контуры. Необходимость воссоединения земель «подъяремной Руси», включая исторические земли Галиции, Буковины и Угорской Руси, со «свободной демократической Россией» была провозглашена 13 июля 1917 г. Русским конгрессом в Нью-Йорке, делегаты которого представляли большинство организаций карпаторусской диаспоры в Северной Америке. Принятый 13 июля 1917 г. меморандум Русского конгресса в Америке от имени карпатских русинов провозглашал: «...весь карпаторусский народ желает освобождения Прикарпатской Руси от чужого владычества и воссоединения Прикарпатской Руси в

её этнографических границах с её старшей сестрой, великой демократической Россией. Карпаторусский народ желает быть в тесном единении с остальным русским народом. <...> Пусть не будет больше двух Русей – Руси свободной и Руси подъяремной, но да будет единая нераздельная, могучая, свободная Русь» [19: 518]. Один из инициаторов и организаторов Русского конгресса в Америке уроженец Угорской Руси Пётр Гаталяк в своих мемуарах писал, что решения конгресса были естественны, поскольку «мы, как русские, хотели в то время присоединиться к России» [23: 13].

Однако революционные потрясения 1917 г., хаос и кровопролитная гражданская война в России в 1918–1920 гг. сделали российский сценарий решения русинского вопроса невозможным. Осенью 1918 г. стал реализовываться активно поддержанный президентом США Вудро Вильсоном чехословацкий формат решения политической судьбы карпатских русинов после окончания Великой войны. Соглашение о присоединении русинских земель к югу от Карпат к Чехословакии на условиях широкой автономии было достигнуто на переговорах будущего президента Чехословацкой Республики (ЧСР) Томаша Г. Масарика и лидера угрорусской диаспоры в США Григория Жатковича в октябре 1918 г. Впоследствии это решение было подтверждено итогами референдума среди карпаторусской диаспоры в Америке.

В ходе этого референдума около 67 % его участников высказались за вхождение в состав Чехословакии. Многие современники, однако, выражали обоснованное сомнение в репрезентативности данного акта, поскольку «голосование было непрямым; по предложению Жатковича, каждая русинская община или приход получали один голос на каждые десять своих членов. Серьёзным изъяном механизма голосования было то, что в нём приняло участие менее половины существовавших в то время в США русинских общин и приходов. Так, из 837 приходов Греко-католического союза только 372 приняли участие в плебисците. Кроме того, в голосовании не участвовали православные русины» [4: 119]. Тем не менее небесспорная репрезентативность данного референдума не помешала впоследствии чехословацким политикам ссылаться на его итоги как на доказательство легитимности присоединения Подкарпатской Руси к Чехословакии [33: 63].

Непосредственная инкорпорация земель исторической Угорской Руси к югу от Карпат в состав Чехословакии началась в январе 1919 г. с появлением здесь первых чехословацких воинских частей. В отличие от местных венгров, большинство местного русинского населения встречало приход чехословацких войск и гражданской администрации в основном с радостью и воодушевлением. В статье

«Великолепный день в Прешове» популярная среди американских русинов газета «Американский русский вестник», издававшаяся в г. Хоумстед (штат Пенсильвания), сообщала 27 февраля 1919 г. о том, что славянское население г. Прешова «устроило восторженные овалции министру Чехословацкой Республики доктору Шробару» [6: 1].

В условиях краха своих первоначальных планов объединения с Россией карпаторусские политики решили сделать ставку на вхождение всех русинских земель в состав Чехословакии, имея в виду как земли исторической Угорской Руси к югу от Карпат, так и русинские области к северу от Карпат в Западной Галиции. В своем обращении к правительству Чехословакии 6 марта 1919 г. лидеры Карпаторусской народной рады в Прешове заявляли, что все русины «в пределах бывшей Венгрии и в юго-западных округах Галиции от Сана по Дунаец составляют одно политическое целое и решительным образом протестуют против разрыва этих земель» [8]. Отметив, что, поскольку «присоединение этих земель к единой России неосуществимо», руководители Карпаторусской народной рады в Прешове констатировали, что они «считают свою территорию автономной русской частью Чешско-Словацкой Республики» и призывали «правительство Чешско-Словацкой Республики оккупировать возможно скоро ту часть карпаторусских земель, которая до сих пор остается еще в руках поляков и мадьяр. <...> Карпаторусская народная рада никогда не согласится, чтобы русские земли по ту и другую сторону Карпат были разорваны и присоединены к разным государствам, а желает, чтобы эти земли как автономная русская часть были присоединены к Чешско-Словацкой Республике» [8]. Ни венгерский, ни польский сценарии решения вопроса о территориальной принадлежности Карпатской Руси были для карпаторусских деятелей неприемлемыми.

В телеграмме президенту Т.Г. Масарику 27 апреля 1919 г. один из лидеров Ужгородской рады и председатель Русского клуба в Ужгороде греко-католический священник Августин Волошин чётко высказался за территориальное единство всей Карпатской Руси, прямо предложив включить в состав ЧСР и «страдающих в польском ярме лемков» [17]. Однако вопреки попыткам карпаторусских политиков добиться включения всех этнически русинских областей к югу и северу от Карпат в состав ЧСР, населённые русинами земли Западной Галиции (область Лемковины) в итоге вошли в состав Польши.

С самого начала чехословацкая администрация столкнулась с характерной для Карпатской Руси этнической пестротой и крайней запутанностью межнациональных и межконфессиональных отношений. Ситуация осложнялась общей социально-экономической отсталостью региона, а также тем, что среди немногочисленной интеллигенции

доминирующего в регионе этноса – карпатских русинов – возникло несколько противостоявших друг другу культурно-национальных ориентаций. Если среди традиционалистской карпаторусской интеллигенции в то время в основном преобладали общерусская идентичность и взгляд на русинов как на составную часть триединого русского народа, то плохо образованные крестьянские массы, для которых в значительной степени был характерен «феномен этнической индифференции» [28: 37–63], находились в начальной стадии становления современной национальной идентичности. Это делало их потенциальным объектом «борьбы за души» со стороны представителей различных культурно-национальных проектов.

Всё это стало предметом самого пристального внимания со стороны прибывших в регион чешских чиновников, которые должны были выработать основные направления политики в этой стратегически важной для чехословацких властей области, граничившей как с Польшей и Венгрией, отношения с которыми оставались крайне напряжёнными, так и с Румынией – союзником Чехословакии по Малой Антанте.

Изучение этнической границы как предмет политического народоведения

После распада дунайской монархии представители политической элиты нового чехословацкого государства в решении многочисленных национальных и политических проблем активно опирались на помощь экспертов из академической сферы. В частности, именно чешские этнографы¹ принимали активное участие в защите территориальных претензий чехословацкой стороны на мирных переговорах, в ходе которых по окончании Первой мировой войны вновь структурировалась политическая карта Центрально-Восточной Европы. Например, на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. они выступали в роли экспертов в сложной и для многих западноевропейских наблюдателей часто непонятной этнической проблематике Центральной Европы. В частности, речь шла о популяризации идеи чехословакизма², а также о «научно» обоснованных аргументах, содействовавших максимальному расширению территории нового государства (ЧСР), что, безусловно, не удалось бы осуществить без посягательств на соседние этнические территории.

Академическим контекстом этого взаимодействия политиков и учёных было т. н. политическое народоведение [20], которое в то время рассматривалось как новое специальное этнографическое поле, призванное сосредоточиться на решении текущих социально-политических проблем. Концепция идеологически ангажированной

этнографии в чешских условиях появилась уже в последней трети XIX в.³, однако после образования ЧСР она была расширена требованием содействовать представителям чехословацкой государственной власти в принятии политических решений.

Одно из довоенных направлений политического народоведения заключалось в «определении славянских народов в их культурной идентичности» [31: 103–104], особенно в тех районах Балкан и Центрально-Восточной Европы, в которых преобладало население, говорившее на славянских языках. Целью этого было определение этнических и географических границ между отдельными славянскими популяциями и дальнейшая тематизация проблематики «денационализации» славян⁴. В чехословацких условиях общественно ангажированная этнология того времени должна была отдавать приоритет решению «национального вопроса» в рамках нового государства. В связи с подготовкой новой территориально-административной структуры ЧСР одна из её важных задач заключалась в идентификации и пересмотре идентитарных и впоследствии территориальных границ в Центрально-Восточной Европе.

Концепция чешской версии политической этнографии была наиболее целостно сформулирована тогдашним ведущим представителем академической этнологии Карлом Хотekom [26]. В конце 1918 г. вместе с антропологом, археологом и этнологом Любомиром Нидерле и географом Виктором Дворским он получил задание от чехословацкого правительства определить этнические границы между русинами и словаками [32: 185]. Результатом их работы должно было стать установление «административно-правовой границы» между Словакией и Подкарпатской Русью, «которое по возможности основывалось бы на реальных национальных условиях» [24: 385].

Разграничением культурно-этнических зон в районе Восточной Словакии и Западного Подкарпатья занялся ученик Хотека Ян Хусек. Результатом его усилий стала получившая в своё время признание монография первой половины 1920-х гг., в которой он как один из первых этнографов попытался на основе масштабных, долгосрочных и повторных полевых исследований⁵ определить этноязыковую границу между словаками и русинами⁶. Являясь убеждённым сторонником политики президента ЧСР Масарика и официальной доктрины чехословакизма [25], Хусек стремился к максимальной научной объективности, однако в своих изысканиях он в первую очередь руководствовался политическими интересами чехословацкого государства. Это вполне соответствовало традициям политически ангажированной чешской этнологии [27], которая отдавала приоритет защите национальных интересов Чехословакии.

В начале своей работы Хусек охарактеризовал демаркацию этнических границ между славянскими народами как «одну из самых сложных проблем славянской этнографии»⁷. Он сам понимал, что в случае Восточной Словакии и Подкарпатской Руси не может идти речь о точном определении национальной границы в современном, т. е. «западном» смысле, и что в этом случае необходимо учитывать ряд других критериев идентификации, таких как язык, вероисповедание, политическое мышление, «нравы», материальная культура и т. д. [24: 5]. С самого начала своей полевой работы Хусек столкнулся с рядом теоретических и методологических проблем. Наиболее серьёзные из них вытекали из ярко выраженной этнической индифферентности местного населения. Ни русский, ни словацкий народ – утверждал Хусек, – не обладают на «этническом интерфейсе надлежащим национальным сознанием», и добавлял, что «признание национальности у людей, национально не живущих, часто является вопросом непосредственного настроения». Поэтому «в настоящее время трудно провести чёткую границу между словаками и русскими как народами» [24: 9].

По этой причине в отношении значительной части населения Восточной Словакии и Подкарпатской Руси, по словам Хусека, невозможно «говорить о национальном сознании, так как люди живут либо просто семейным эгоизмом, либо региональным патриотизмом, либо даже племенным сознанием» [24: 344]. В своей работе Хусек неоднократно был вынужден констатировать, что «ни словаки, ни русские не обладают национальным сознанием в истинном смысле этого слова» [24: 348]. Хусек попытался объяснить чешскому читателю с исторической точки зрения, почему это так, и с текущей точки зрения указать, какие практические последствия этот факт имеет для чешской политики. Он воспринимал новообразованную Чехословакию как государственную единицу центральноевропейского культурного пространства, которая «образует мост между западной романо-германской культурой и восточно-русско-азиатской культурой» и которая должна стать «синтетическим представителем средневропейской западнославянской культуры» [24: 350]. По этой причине Хусек считал важным сохранить для «карпатских русских» свою «племенную индивидуальность», а также существовавшую территорию проживания. В Чехословацкой Республике, однако, они должны отказаться от своих «ирредентистских политических усилий», особенно от «мадярофильских усилий, которые у них до сих пор являются самыми сильными» [24: 349–350]⁸. Тем самым Хусек, стоя на страже чехословацких национальных интересов в данном регионе, подтвердил аналогичные выводы чешских чиновников, которые сделали их после своего посещения Подкарпатской Руси.

Аналогичным образом Хусеку было трудно установить чёткую границу между словаками и русинами в языковом, этнографическом (на основе материальной культуры), «антропологическом и ментальном» плане, которые, как он утверждал, «можно наметить лишь в общих чертах» [24: 232–233, 490]. По его словам, чтобы определить эти коллективные различия, необходимо было принять во внимание «чувства, осознание и волю человека, которого мы описываем» [24: 233], однако именно это, как он констатировал, в условиях Восточной Словакии было очень проблематичным. Помимо диагностирования у населения наблюдаемого региона того, что их «национальное сознание находится в зачаточном состоянии» [24: 10], он столкнулся с другой сложностью, состоявшей в сосуществовании многоуровневых пластов идентичности местного населения. Кроме того, здесь переплелись несколько национальных идентификационных критериев: словацкий, словяцкий, великорусский, украинский и «самобытный карпатский» (русинский).

Пожалуй, наиболее интересными из упомянутых идентитарных концепций сегодня являются т. н. словяки⁹. Согласно Хусеку, это были лингвистически более или менее словакизированные русины, сохранившие греко-католическую (т. е. «русинскую») религию и в значительной степени повседневную русинскую культуру [24: 11]. Словяцкое движение, сформировавшееся ещё в конце XIX в., исходило из особой территориальной идентичности восточных словаков и из диалектных различий, которые оно стремилось идентитарно инструментализировать и посредством этого доказать, что словяки являются отдельной нацией. В исследуемый период на основе словацкого шарышского диалекта были даже предприняты попытки продвижения самобытного литературного «словяцкого» языка. В конце 1918 г. на основании права на самоопределение словяков на северо-востоке Верхней Венгрии была провозглашена «словацкая народная республика», которая, однако, прекратила своё существование через 20 дней с прибытием чешской армии в город Кошице 29 декабря 1918 г. [22: 80].

Словаков Хусек интерпретировал в духе тогдашнего официального чехословакизма [25] как восточную ветвь фиктивной чехословацкой нации. Помимо чешских политиков, в число основных авторов и пропагандистов этой идентитарной концепции входили также чешские интеллектуалы и деятели культуры, в т. ч. этнографы [21]. В отличие от словаков, понимание Хусеком карпаторусов было гораздо сложнее. Уже «в именовании этих русских царит промискуитет», – констатировал он в своей работе [24: 17]. Говорящее восточнославянскими диалектами население Восточной Словакии и Подкарпатской Руси

он воспринимал, наряду с великорусами, малорусами и белорусами, как одну из ветвей (хотя и с точки зрения идентичной декларации проблематичной) русской нации [24: 14]. Решение вопроса о том, идёт ли речь об особой российской ветви, т. е. о самобытном этносе («своеобразные карпаторусы»), или об «украинской части русской породы» («племенные русняки»), он обозначил «сомнительным» и ещё открытым [24: 14, 17].

Этнокультурное положение и политические настроения русинов Подкарпатской Руси в 1919 г. в донесениях чешских чиновников

Уже в первые месяцы с момента установления чехословацкого контроля над русинской областью к югу от Карпат местные жители активно демонстрировали свои культурно-языковые предпочтения. Весной 1919 г. представители карпаторусской общественности в своих обращениях к пражскому правительству подчеркивали стремление «быть членами чехословацко-русской республики, но в культурном отношении оставаться русскими, поскольку мы исходим от одного великого русского народа» [9]. В меморандуме депутации крестьянского сословия Подкарпатской Руси, направленном президенту Мазарику 10 февраля 1920 г., подчёркивалось: «...наш русский народ жил у подножия Карпат <...> русской культурой, поддерживаемый непоколебимой верой в лучшее будущее, ожидаемое им с Востока, от его брата, Русского великана <...> Наш народ не переставал надеяться, что рано или поздно он непременно должен слиться хотя бы только культурно со своим могучим братом, родным ему по языку и вере» [18]. Популярность и широкая распространённость подобных настроений находили подтверждение в отзывах о положении в регионе находившихся там чешских чиновников и военнослужащих.

В своём пространном донесении в Министерство обороны ЧСР 7 октября 1919 г., позже направленном в канцелярию президента республики, подпоручик-легионер 66-го чехословацкого пехотного полка Шимон Палайда отмечал, что карпаторусская общественность в Карпатской Руси разделена на две основные партии. Палайда именовал эти партии «русской» и «русинско-мадьяронской, примыкающей к украинцам»; при этом «русскую партию» Палайда характеризовал как «партию простого народа», прежде всего крестьян [13]. По его словам, «русский крестьянин в Карпатской Руси всегда стремился к русской книге и к русской культуре, что лучше всего доказывает Мармарошский процесс. <...> Крестьяне тайно посещали Россию, чтобы познать там свой братский народ и свою веру, которая преследовалась во

времена мадьярского господства. Бывшее венгерское правительство стремилось к полной мадьяризации карпаторусского народа, что ему частично удалось, особенно по отношению к интеллигенции» [13].

Партию т. н. русинов-мадьяронов подпоручик Палайда характеризовал как партию мадьяризированных карпаторусских интеллигентов и греко-католических священников, которые являлись убежденными мадьяронами. По наблюдениям Палайды, греко-католическое духовенство в семьях и между собой предпочитало говорить только по-венгерски, считая карпаторусский язык «языком необразованного простонародья» [13]. В своих донесениях в Прагу Палайда высказывал мысль о том, что чехословацкое правительство должно энергично поддержать именно «русскую партию» в регионе, поскольку, по его мнению, в случае поддержки «русинско-мадьяронской» партии местное карпаторусское крестьянство может «потерять доверие к чехословацким властям» [13]. В качестве доказательства Палайда ссылался на зафиксированные им среди местных жителей разговоры о том, что «чехи тут долго не пробудут, потому что не видно никаких изменений и всё выглядит как во время венгерского правления» [13].

Приведя ряд конкретных примеров небезуспешной венгерской пропаганды в регионе и саботажа со стороны местных венгерских чиновников, Палайда указывал на беспокойство в карпаторусском обществе в связи с возвращением в Подкарпатскую Русь известного мадьярона греко-католического епископа Иштвана Новака, получившего разрешение властей на приезд в ЧСР. По мнению чешского офицера, «епископ Новак как мадьярон был и останется врагом карпаторусского народа. Такие действия, как допуск епископа Новака и оставление мадьярских и мадьяронских чиновников на их должностях, облегчают работу мадьярам <...> и поддерживают венгерскую агитацию в Карпатской Руси» [13]. В качестве примера такой агитации Палайда приводил публикации «мадьярско-русинской» газеты «Мункач», издававшейся в Мукачево, которая, ссылаясь на промадьярские настроения местных русинов, утверждала, что в регионе «нет ни украинцев, ни русских, ни славян, а есть только греко-католические мадьяры, составляющие с братьями-мадьярами одну душу и одно тело» [13].

Эффективным орудием венгерской пропаганды в регионе чешский офицер называл преподавателей Ужгородской греко-католической духовной семинарии, являвшейся одним из главных центров подготовки униатского духовенства в Подкарпатской Руси. По информации Палайды, директор Ужгородской семинарии Мелеш, говоря по-венгерски, на первом занятии убеждал учащихся семинарии в том, что «непременно настанет время воскресения и объединения

нашей дорогой венгерской родины, которая возродится подобно Польше» [13]. В связи с этим Палайда настоятельно рекомендовал Праге назначать на административные должности в Карпатской Руси представителей «русской партии» либо из данного региона, либо из соседней Галиции, а также тех чешских чиновников, которые владеют русским языком. По мнению Палайды, без его знания было трудно рассчитывать на доверие со стороны местного населения. Политические взгляды Палайды были близки идейным установкам Национально-демократической партии Карела Крамаржа, которая уже летом 1919 г. оказалась в оппозиции, а его рекомендации делать ставку на местных деятелей русофильского направления в целом соответствовали программе чешских национальных демократов в отношении Подкарпатской Руси.

Несколько иную картину положения в Подкарпатской Руси осенью 1919 г. нарисовал в своём пространном отчёте в Прагу секретарь Министерства почт и телеграфа ЧСР доктор Отокар Ружичка, представивший собственный доклад его руководству 12 ноября 1919 г. Во вступительной части своего доклада Ружичка, посетивший Подкарпатье в конце октября – начале ноября 1919 г., констатировал крайнюю сложность положения в регионе, указав на необходимость проведения здесь твёрдой политики в общегосударственных интересах, без которой, по его мнению, угроза потери Карпатской Руси для Праги была реальностью. В отличие от подпоручика Палайды, симпатизировавшего местной «русской партии» и призывавшего делать ставку на русофилов, бдительный Ружичка отмечал, что, по его наблюдениям, именно деятели «русского направления» склонны к провенгерской деятельности. По словам секретаря Министерства почт и телеграфа ЧСР, «у представителей великорусского направления мы обнаружим весьма мало любви и преданности к Чехословацкой Республике <...> Они проявляют свою преданность лишь внешне, но их агитация в народе и их собрания убеждают нас в обратном» [14]. Ружичка утверждал, что именно «местное направление», к лидерам которого он относил Волошина и Жатковича, «более всего соответствует интересам нашей республики» [14], что в целом отвечало взглядам влиятельного функционера Социал-демократической партии Яромира Нечаса, оказавшего впоследствии серьёзное влияние на характер чехословацкой политики в отношении Подкарпатской Руси. Затрагивая деятельность представителей украинского движения, пражский чиновник подчёркивал, что «украинское направление было бы для нашей республики также нездоровым» [14]. Большое внимание Ружичка обращал на различные языковые предпочтения противостоявших друг другу группировок среди карпаторусской

интеллигенции. «Если великорусское направление использует великорусский литературный язык, – отмечал Ружичка, – то местное направление в языковом вопросе придерживается компромисса, используя малорусский язык, то есть местное наречие с великорусским правописанием» [14]. Ссылаясь на опыт своих контактов с местным населением, секретарь чехословацкого Министерства почт и телеграфа делал категоричное заключение о том, что местный русин «на практике» лучше понимает чешский, а не русский литературный язык [14].

Примечательно, что рекомендованный Ружичкой в качестве представителя «местного направления» лидер американских русинов Г. Жаткович был негативно охарактеризован подпоручиком Палайдой в его донесении в Министерство обороны ЧСР 7 октября 1919 г. По утверждению Палайды, «личность доктора Жатковича до переворота была совершенно незнакома в Карпатской Руси. На первом собрании в Ужгороде он говорил на словацко-русинском наречии – так, как говорят в Шарише и в Земплине. <...> Уже на первом собрании раздавались голоса, недовольные тем, что он не говорит по-русски» [13].

Ещё более негативные и критические отзывы о представителях «русского направления» в Карпатской Руси содержались в отчётах инженера Яромира Нечаса, активиста чешской Социал-демократической партии и известного политического публициста, некоторое время работавшего в аппарате первого губернатора Подкарпатской Руси Жатковича. В своих подробных донесениях в канцелярию президента республики в Прагу Я. Нечас в весьма резкой форме критиковал деятелей «русского направления» за «насильственное навязывание русского литературного языка населению» и «отрыв от этноязыковых реалий Карпатского региона». Жёсткой критике Нечаса «за чрезмерную русофилию» подверглись и некоторые высокопоставленные чешские чиновники в Подкарпатской Руси. «Нынешнее региональное правительство в Ужгороде вводит на всей территории Русинии чужой, непонятный населению великорусский язык», – утверждал Нечас в своём отчёте в Прагу 2 ноября 1919 г. – Тем самым усложняется и без того запутанный языковой вопрос, и возбуждается негативная реакция подкарпатских русинов. Правительственные газеты "Русская земля" и "Русское слово" народ не понимает. По-великорусски понимают и говорят лишь те чиновники из Галиции и Буковины, которых наше правительство взяло на службу» [15].

В своём очередном донесении в канцелярию президента республики 20 ноября 1919 г. Нечас обрушился с обвинениями и резкими нападениями как на главу чехословацкой гражданской администрации Подкарпатской Руси доктора Брейху, так и на представителей про-

русского направления среди местной карпаторусской интеллигенции. По словам Нечаса, Брейха «проводит партийную политику, окружил себя камарильей старорусов из Галиции и Буковины и без колебаний выступил против представителей местного русинского направления» [16]. Обвиняя местных карпаторусских политиков русской ориентации в том, что их политическая программа является «реакционной, шовинистической и нетерпимой к другим», Нечас, подобно Ружичке, призывал официальную Прагу полностью поддержать «местное направление, которое соответствует мышлению и настроениям интеллигенции». Нечас также рекомендовал проводить политику «благожелательного нейтралитета» в отношении украинцев, «предоставив карпатским русинам возможность естественного развития» и «воздержавшись от введения в Подкарпатской Руси русского языка в школы и в административные органы» [16].

Обращает на себя внимание то, что ранее Нечаса письмо аналогичного содержания президенту Масарику направил один из ведущих русинских политиков Подкарпатской Руси греко-католический священник А. Волошин, окончательно перешедший к осени 1919 г. в лагерь украинофилов. В своём письме Масарику от 9 октября 1919 г. Волошин резко критиковал «москвофильскую» часть местной интеллигенции за навязывание русского литературного языка местному населению и призывал «освободить нас от непрошенных гостей-москвофилов». Называя конкретные имена, Волошин упрекал главу чешской администрации Подкарпатья доктора Брейху за его покровительство «москвофилам» [12]. В заключение Волошин делал тревожный для чехословацких властей вывод об опасности «москвофильской агитации» не только «для нашего народа, но и для всей республики» [12]. Очевидная согласованность по времени и сходство аргументов в отчётах Нечаса и в письме Волошина наводят на мысль о том, что имела место их скоординированная акция с целью повлиять на политику чехословацкой администрации в Подкарпатском регионе. Последующее развитие событий показало, что данная акция оказалась успешной. О связях Я. Нечаса с А. Волошиным и с лидерами украинского движения, в частности с К. Левицким, упоминал в одном из своих донесений в Министерство обороны ЧСР в ноябре 1919 г. подпоручик Ш. Палайда [13].

Основные направления чешской политики в Подкарпатской Руси ориентировались впоследствии именно на рекомендации Я. Нечаса, который, являясь функционером влиятельной Социал-демократической партии и сделав успешную политическую карьеру, в 1920-е гг. работал в канцелярии президента республики, курируя там вопросы, связанные с Подкарпатской Русью и оказывая серьёзное влияние на

практическую политику чехословацких властей в регионе. Это обстоятельство в значительной степени объясняет курс официальной Праги на «мягкую украинизацию» русинов Подкарпатъя в 1920-е гг., что ярче всего проявилось в области образования и культуры и продолжалось вплоть до конца 1930-х гг., усилив в итоге позиции сторонников украинского движения в Подкарпатском регионе. Поскольку «стремление к проведению определённого варианта языковой нормы стало для русинов инструментом прямой национально-идеологической пропаганды» [2: 374], поддержка чехословацкой администрацией культуртрегерской деятельности украинских активистов в Подкарпатъя в сфере образования в значительной степени способствовала распространению украинской идентичности в Подкарпатской Руси.

Отношение карпаторусской общественности к политике чехословацкой администрации в Подкарпатской Руси

В то время как чешские чиновники изучали сложное положение в Карпатской Руси, пытаясь определить вектор оптимальной для Праги политики в регионе, карпаторусская общественность быстро разочаровалась в реалиях чехословацкой политики. Вопреки изначально завышенным ожиданиям русинских деятелей от вхождения Карпатской Руси в состав Чехословакии, их недовольство чехословацкими властями стало проявляться уже с весны 1919 г. Председатель Карпаторусской народной рады в Прешове Антон Бескид в своем обращении к премьер-министру ЧСР Карелу Крамаржу уже 14 апреля 1919 г. негодовал по поводу «подавления естественных прав русского народа на его собственной земле» [10]. Бескид критиковал чехословацких чиновников на местах за «шовинизм», «незнание местного населения», а также за «преследования и угрозы» в адрес карпаторусского населения [10]. Показательно, что именно А. Бескид и возглавлявшаяся им Карпаторусская народная рада в Прешове раньше всех начали проявлять прочехословацкие настроения и первыми среди прочих карпаторусских структур чётко заявили о своей чехословацкой ориентации.

Правительство ЧСР серьёзно отнеслось к жалобам Антона Бескида и на своем заседании 5 мая 1919 г., отметив необходимость «относиться к народности карпаторусской с предельной осторожностью и охранять её», поручило министру внутренних дел предложить министру по делам Словакии Вавро Шробару тщательно расследовать жалобу Бескида [11]. Кроме того, Шробару предлагалось поручить подчинённым ему чиновникам на местах «с максимальным вниманием отнестись к национальности, обычаям и языку населения, находящегося под их управлением» [11].

Сразу после подписания Сен-Жерменского мирного договора в сентябре 1919 г. представители всех политических сил и культурных направлений среди русинов стали выражать недовольство тем, что административная граница между Словакией и Подкарпатской Русью оставила значительную часть этнически русинских земель в составе Словакии, а обещанная автономия так и не была предоставлена. Так, активно поддерживавший присоединение русинов к Чехословакии «Американский русский вестник» с того времени стал резко критиковать русинскую политику Праги. Если в феврале 1919 г. «Американский русский вестник» с оптимизмом писал, что «уния угрорусинов с чехословаками будет означать для угрорусинов отдельный особый угрорусский штат, который будет иметь верховенство в местных делах и в котором русский будет языком официальным, употребляемым в школах и судах» [5: 1], то уже в октябре 1919 г. это же издание с сочувствием сообщало о манифестации русинов в г. Гуменне в Восточной Словакии, протестовавших «против отделения западнорусских жуп от автономной Подкарпатской Руси» [7: 1].

В дальнейшем «Американский русский вестник» часто критиковал чехословацкое руководство за отсутствие автономии Подкарпатской Руси, за административную раздробленность русинских земель и за проукраинскую политику в культурной сфере. Политика «мягкой украинизации» русинов в 1920-е гг. в сфере образования, по мнению русинских активистов, была важной причиной «языковой войны» [1: 3]. В свою очередь, чешская общественность была недовольна высокой, с её точки зрения, степенью мадьяризации карпаторусской интеллигенции, особенно духовенства и учителей [29: 1]. Подобные трения продолжались на протяжении всего межвоенного периода, отразившись в карпаторусской и чехословацкой прессе того времени.

Серьёзной проблемой Подкарпатской Руси являлся крайне низкий жизненный уровень населения, по которому Подкарпатье уступало как Словакии, так и чешским землям. Будущий президент Чехословакии Людвик Свобода, служивший в Подкарпатской Руси в 1920-е гг. командиром пулёметной роты в звании капитана чехословацкой армии, писал в своих воспоминаниях, что жизнь в этом краю «в своей инерции напоминала заспанную галицкую провинцию времён старой Австрии. Мы встречали бедно одетых крестьян с широкими и добрыми лицами, которые боялись Бога и уважали пана, – с сочувствием писал он. – Паном был приходской священник и поп. В городе панами были доктор, нотариус, почтмейстер, фармацевт, жандарм и офицер. Лесорубы и пастухи с плохо выбритыми загорелыми лицами, с жилистыми шеями, в рубахах без воротников при встрече снимали свои засаленные шляпы с загнутыми полями. <...> В корчме было принято напиваться мертвецки» [34: 10].

Заключение

Вхождение и пребывание Подкарпатской Руси в составе межвоенной Чехословакии имели противоречивые последствия для карпатских русинов. С одной стороны, в условиях демократического политического режима и более благоприятного социально-экономического положения Чехословакии по сравнению с Венгрией русины пользовались возросшими возможностями социальной мобильности и этнокультурного развития. Канадский историк и славист П.Р. Магочий полагает, что наибольший прогресс в Подкарпатской Руси в период её вхождения в состав Чехословакии был достигнут именно в сфере культуры, т. к. в отличие от венгерского правительства, стремившегося к мадьяризации русинов, чехословацкие власти предпринимали попытки «поднять культурный уровень славянского населения в самой восточной провинции республики» [30: 205]. По данным Магочия, если в 1900 г. в составе Венгрии неграмотность населения в Угорской Руси составляла 70 %, то к 1930 г. её уровень снизился почти в два раза – до 42 % [30: 205]. Некоторые специалисты по истории карпатских русинов связывают пребывание Подкарпатской Руси в межвоенной Чехословакии со «вторым русинским возрождением». В чехословацкий период своей истории Подкарпатская Русь стала объектом в целом успешного и при этом умеренного модернизационного проекта, продемонстрировавшего наибольшие успехи в сфере культуры и образования.

С другой стороны, политика чехословацких властей, преследуя собственные цели, оказывала серьёзное влияние на социокультурные процессы среди русинского населения Подкарпатской Руси с помощью различных методов этнокультурной инженерии, что выразилось в затягивании предоставления обещанной автономии и в административной поддержке в 1920-е гг. украинского движения в культурной и образовательной областях. Инициаторами и проводниками подобной политики являлись, прежде всего, представители пражских либералов и социал-демократов, близких к президенту ЧСР Масарику и министру иностранных дел Бенешу.

Это вызывало крайне негативную реакцию русофильской части карпаторусской интеллигенции, которая постоянно критиковала политику Праги на страницах своих изданий, обвиняя чехословацкие власти в поддержке украинского движения и в искусственном затягивании процесса предоставления автономии. Борьба «за форму коллективной идентичности почти всегда происходила на уровне интеллектуальных верхов, среди которых разгоралось соперничество между разными представлениями о финальном образе коллективной идентичности» [2: 372].

Одной из важнейших проблем в регионе был вопрос выбора подходящего литературного языка для культурных и государственно-административных нужд самой восточной области ЧСР. Какой из существующих литературных языков наиболее удобен для русинов? Выбор надлежало сделать между русским, украинским или одним из «тунайших» (местных) диалектных вариантов, которые, как полагал Хусек, насчитывали три версии в русинской письменности [24: 54]. С удовлетворительным решением этой проблемы чехословацкая политическая репрезентация так и не смогла справиться на протяжении всего межвоенного периода. Сам Ян Хусек, в то время лучший чешский специалист по данной теме, справедливо говорил о «языковом хаосе», который царил среди русинов и на который проектировались «споры между отдельными карпаторусскими ориентациями» [24: 54].

Поддержка официальной Прагой украинофильской части карпаторусской интеллигенции в этом противоборстве в 1920-е гг. привела к существенному нарастанию этнокультурных противоречий в русинском обществе, где наряду с традиционным русофильством динамично развивалось украинофильство, трактовавшее местное русинское население как не «пробудившуюся» часть украинского народа. Рост украинского движения в Подкарпатской Руси, получившего поддержку нацистской Германии в 1930-е гг., стал одним из существенных факторов дестабилизации ситуации в Чехословакии в 1938–1939 гг., в результате чего она окончательно исчезла с политической карты Европы в марте 1939 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Речь шла прежде всего о Любомире Нидерле, который считается «духовным отцом» чешской разновидности политического народоведения и его ученика Карла Хотека (см.: [33: 102]).

2. Идея чехословакизма заключалась в тезисе о том, что с точки зрения культуры, языка и ментально-психологических особенностей (см. [25]) чехов и словаков необходимо считать двумя «ветвями» единого чехословацкого народа (см. [21; 26]).

3. Более подробно см.: [27].

4. В данном случае речь шла о продолжении традиции, начало которой было положено трудом Павла Йозефа Шафарика «Славянское народоведение», опубликованном в 1842 г.

5. Хусек проводил свои исследования летом 1922 и 1923 гг. [24: 13].

6. Подобным образом в указанный период чешские этнографы изучали и с учётом политических интересов определяли границу

нового государства на польско-словацком пограничье в области Оравы и Спиша и в области Южной Словакии [31: 109].

7. К пониманию славянского народоведения см.: [3].

8. В отличие от «мадьяризации» словакизацию русинов Хусек считал неизбежной «естественной ассимиляцией» и в принципе относился к этому обществу позитивно. Проблему ассимиляции русинов с соседними народами он воспринимал с общеславянской позиции: «Брат словак или брат русский – оба славяне!» [24: 41], главным было то, чтобы они не мадьяризировались!

9. В качестве альтернативного названия Хусек использовал термин «русские словаки».

ЛИТЕРАТУРА

1. Думнич Ю. Украинизация школы на Пудкарпатській Руси пуд час чехословацького періода. Ужгород: Видавельство В. Падяка, 2009. 62 с.

2. Лозовюк П. Новые славянские народы: реальность или фикция? // Русский сборник. Исследования по истории России / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. М.: Regnum, 2012. Т. XII. С. 370–378.

3. Лозовюк П. «Ethnologia Slavica» в фокусе чешской этнографической традиции // Историко-культурные аспекты чешско-белорусских связей / Под ред. П. Лозовюка, В. Репина. Минск: БГУ, 2019. С. 19–29.

4. Шевченко К.В. Славянская Атлантида. Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX века. М.: Regnum, 2011. 403 с.

5. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 6 februara, 1919. № 5. S. 1–2.

6. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 27 februara, 1919. № 8. S. 1.

7. Amerikansky Russky Viestnik. Homestead, PA. 16 oktobra, 1919. № 40. S. 1–2.

8. Archiv Kanceláře prezidenta republiky (AKPR). Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv.č.3. Sign.PR I/3. Karton 1.

9. AKPR. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv.č.4. Sign.PR I/4. Karton 1.

10. AKPR. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv.č. 6. Sign. PR I/6. Karton 1.

11. AKPR. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv.č. 10. Sign. PR I/10. Karton 1.

12. AKPR. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 18. Sign. PR I/18. Karton 1.

13. AKPR. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č.19. Sign. PR I/19. Karton 1.

14. AKPR. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 20. Sign. PR I/20. Karton 1.

15. AKPR. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 25. Sign. PR I/25. Karton 1.

16. AKPR. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 26. Sign. PR I/26. Karton 1.

17. Archiv Ústavu T.G. Masaryka (AÚTGM). Fond T.G. Masaryk, Podkarpatská Rus 1919. Krabice 400.

18. AÚTGM. Fond T.G. Masaryk. Podkarpatská Rus 1920. Krabice 400.

19. Bratislava. Časopis učené společnosti Šafaříkovy. 1931. Roč. 5. Číslo 3. S. 510-518.

20. Burian V. Politický národopis zejména slovanský. Praha, 1947.

21. *Ducháček M.* Dilemata čechoslovakismu: etnograf Karel Chotek mezi vědou a propagandou // Bartlová M. a kol. Co bylo Československo? Kulturní konstrukce státní identity. Praha, 2017. S. 28–44.

22. *Gayer V.* Slovjacké regionálne hnutie v rokoch 1907–1918 // Mesto a dejiny. 2014. Vol. 3. S. 68–83.

23. *Hatalák P.* Jak vznikla myšlenka připojit Podkarpatskou Rus k Československu. Užhorod, 1933. 92 s.

24. *Húsek J.* Národopisná hranice mezi Slováký a Karpatorusy. Bratislava, 1925.

25. *Chalupný E.* Národní filosofie československá. Teil 1: Národní povaha československá. Praha, 1932.

26. *Chotek K.* O povaze a významu kultury československého lidu // Československá vlastivěda. Díl 2: Člověk / Eds. by J. Horák, J. Matiegka, K. Weigner. Praha, 1933. S. 294–304.

27. *Lozoviuk P.* Volkskunde als Nationalwissenschaft // Die Suche nach dem Zentrum. Wissenschaftliche Institute und Bildungseinrichtungen der Deutschen in Böhmen (1800–1945) / Eds. by K. Kaiserová, M. Kunštát. Münster; New York, 2014. S. 73–118.

28. *Lozoviuk P.* Evropská etnologie ve středoevropské perspektivě. Pardubice: Univerzita Pardubice, 2005. 189 c.

29. Podkarpatské hlasy. Užhorod, 1925. 13 června. Číslo 48.

30. *Magocsi P.R.* With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. Budapest; New York: CEU Press, 2015. 511 p.

31. *Moravcová M.* Politický národopis v pojetí Lubora Niederla a Karla Chotka // Od lidové písně k evropské etnologii / Ed. by J. Pospíšilová, J. Nosková. Brno, 2006. S. 101–112.

32. *Mušinka M.* Úloha Českej akadémie vied při výskume folklóru Rusínov bývalej Podkarpatskej Rusi a východného Slovenska // Od lidové písně k evropské etnologii / Eds. by J. Pospíšilová, J. Nosková. Brno, 2006. S. 184–192.

33. *Raušer A.* Připojení Podkarpatské Rusi k československé Republice // Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpatské Rusi. V Bratislavě, 1936. S. 61–68.

34. *Svoboda L.* Cestami života. Praha: Orego, 1996. 327 s.

REFERENCES

1. Dumnich, Yu. (2009) *Ukrainizatsiya shkoly na Podkarpats'kuy Rusi pud chas chekhoslovats'kogo perioda* [Ukrainization of schools in Subcarpathian Rus during Czechoslovak period]. Užhorod: Vydavateľ'stvo V. Padyaka.

2. Lozoviuk, P. (2012) *Novye slavyanskije narody: real'nost' ili fiktsiya?* [New Slavic nations: reality or fiction?]. In: Ayrapetov, O.R., Yovanovich, M., Kolerov, M.A., Menning, B. & Chaisty, P. (eds) *Russkij sbornik. Issledovaniya po istorii Rossii* [Russian collection. Research on the history of Russia]. Vol. 12. Moscow: Regnum. pp. 370–378.

3. Lozoviuk, P. (2019) "Ethnologia Slavica" v fokuse cheshskoy etnografiches-

koy traditsii ["Ethnologia Slavica" in the focus of the Czech ethnographical tradition]. In: Lozoviuk, P. & Repin, V. (eds) *Istoriko-kul'turnye aspekty cheshsko-belorusskikh svyazey* [Historical and Cultural aspects of Czech-Belarusian Inter-relations]. Minsk: BSU. pp. 19–29.

4. Shevchenko, K. (2011) *Slavyanskaya Atlantida. Karpatskaya Rus' i rusiny v XIX – pervoy polovine XX veka* [Slavonic Atlantida. Carpathian Rus and Rusins in the 19th – first half of the 20th century]. Moscow: Regnum.

5. *Amerikansky Russky Viestnik*. (1919a) 6th February. pp. 1.

6. *Amerikansky Russky Viestnik*. (1919b) 27th February. pp. 1–2.

7. *Amerikansky Russky Viestnik*. (1919c) 16th October. pp. 1–2.

8. The Archive of the Administration of President of the Republic (AKPR). Fund Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 3. Sign.PR I/3. Box 1.

9. The Archive of the Administration of President of the Republic (AKPR). Fund Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 4. Sign. PR I/4. Box 1.

10. The Archive of the Administration of President of the Republic (AKPR). Fund Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 6. Sign. PR I/6. Box 1.

11. The Archive of the Administration of President of the Republic (AKPR). Fund Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 10. Sign. PR I/10. Box 1.

12. The Archive of the Administration of President of the Republic (AKPR). Fund Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 18. Sign. PR I/18. Box 1.

13. The Archive of the Administration of President of the Republic (AKPR). Fund Kancelář prezidenta republiky. Inv. č.19. Sign. PR I/19. Box 1.

14. The Archive of the Administration of President of the Republic (AKPR). Fund Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 20. Sign. PR I/20. Box 1.

15. The Archive of the Administration of President of the Republic (AKPR). Fund Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 25. Sign. PR I/25. Box 1.

16. The Archive of the Administration of President of the Republic (AKPR). Fund Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 26. Sign. PR I/26. Box 1.

17. The Archive of the Institute of T.G. Masaryk (AÚTGM). Fund T.G. Masaryk, Podkarpatská Rus 1919. Box 400.

18. The Archive of the Institute of T.G. Masaryk (AÚTGM). Fund T.G. Masaryk, Podkarpatská Rus 1920. Box 400.

19. *Časopis učené společnosti Šafaříkovy*. (1931). 5(3). pp. 510–518.

20. Burian, V. (1947) *Politický národopis zejména slovanský* [Political ethnography with the focus on Slavs]. Prague: [s.n.].

21. Ducháček, M. (2017) Dilemata čechoslovakismu: etnograf Karel Chotek mezi vědou a propagandou [Dilemmas of Czechoslovakism: Ethnographer Karel Chotek in between science and propaganda]. In: Bartlová, M. (ed.) *Co bylo Československo? Kulturní konstrukce státní identity*. Pargue: UMPRUM. pp. 28–44.

22. Gayer, V. (2014) Slovjacké regionálne hnutie v rokoch 1907–1918 [Slovak regional movement in 1907–1918]. *Mesto a dejiny*. 3. pp. 68–83.

23. Hatalák, P. (1933) *Jak vznikla myšlenka připojení Podkarpatskou Rus k Československu* [How did the idea of uniting Subcarpathian Rus with Czechoslovakia arise?]. Uzhhorod: [s.n.].

24. Húsek, J. (1925) *Národopisná hranice mezi Slováky a Karpatorusy* [Ethno-

graphic border between Slovaks and Carpathian Russians]. Bratislava: Prúdů.

25. Chalupný, E. (1932) *Národní filosofie československá* [National Czechoslovak philosophy]. Vol. 1. Prague: [s.n.].

26. Chotek, K. (1933) O povaze a významu kultury československého lidu. In: Horák, J., Matiegka, J. & Weigner, J. (eds) *Československá vlastivěda*. Vol. 1. Prague: [s.n.], pp. 294–304.

27. Lozoviuk, P. (2014) Volkskunde als Nationalwissenschaft. In: Kaiserová, K. & Kunštát, M. (eds) *Die Suche nach dem Zentrum. Wissenschaftliche Institute und Bildungseinrichtungen der Deutschen in Böhmen (1800–1945)*. Münster/New York: Waxmann Verlag GmbH. pp. 73–118.

28. Lozoviuk, P. (2005) *Evropská etnologie ve středoevropské perspektivě* [European Ethnology in Central European perspective]. Pardubice: Univerzita Pardubice.

29. *Podkarpatské hlasy*. (1925) 13th June. pp. 1–2.

30. Magocsi, P.R. (2015) *With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns*. Budapest – New York: CEU Press.

31. Moravcová, M. (2006) Politický národopis v pojetí Lubora Niederla a Karla Chotka. In: Pospíšilová, J. & Nosková, J. (eds) *Od lidové písně k evropské etnologii* [From people's song to European ethnology]. Brno: Etnologický ústav AV ČR Praha, pracoviště Brno ve spolupráci s Jiřím Plockem. pp. 101–112.

32. Mušinka, M. (2006) Úloha Českej akadémie vied při výskume folklóru Rusínov bývalej Podkarpatskej Rusi a východného Slovenska. In: Pospíšilová J. & Nosková, J. (eds) *Od lidové písně k evropské etnologii* [From people's song to European ethnology]. Brno: Etnologický ústav AV ČR Praha, pracoviště Brno ve spolupráci s Jiřím Plockem. pp. 184–192.

33. Raušer, A. (1936) Připojení Podkarpatské Rusi k československé Republice. In: *Podkarpatská Rus. Sborník hospodářského, kulturního a politického poznání Podkarpatské Rusi* [Subcarpathian Rus. Collection of economic, cultural and political information about Subcarpathian Rus]. Bratislava: Podkarpatoruské nakladatelství Josef Stejskal. pp. 61–68.

34. Svoboda, L. (1996) *Cestami života* [Life paths]. Prague: Orego.

Лозовиук Пётр – доктор философии, заведующий кафедрой антропологии философского факультета Западночешского университета в г. Пльзень (Чехия).

Petr Lozoviuk – University of West Bohemia in Plzen (Czech Republic).

E-mail: lozoviuk@ksa.zcu.cz

Шевченко Кирилл Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры правовых дисциплин, заведующий Центром евразийских исследований Филлиала Российского государственного социального университета в Минске (Беларусь).

Kirill V. Shevchenko – Minsk Branch of Russian State Social University (Belarus).

E-mail: shevchenkok@hotmail.com